

ФЕДОР ИВАНОВИЧ КОЖЕВНИКОВ

Умер человек, которого седые да лысые ветераны, сами уже давно вышедшие на пенсию, приветствовали до последних дней как учителя. Его приветствовали и поздравляли как живую легенду науки международного права — Федору Ивановичу Кожевникову 15 июня 1998 г. должно было исполниться 95 лет. Сегодняшние аспиранты и студенты — те и вовсе знают его по старому учебнику “Международное право” да по книгам с пожелтевшими от времени страницами.

Все это должно было быть, но не случилось. Он не дожил до юбилея всего каких-то три месяца. И тот разговор, который мы с ним провели для

юбилейного номера, мы публикуем как последнее интервью вместо некролога.

В годы революции и гражданской войны он был солдатом-чоновцем. Нынешние молодые люди не знают такого слова. Зато знают другое — “омоновец”. Улавливаете созвучие? Да, “чоновец” — это военнослужащий частей особого назначения. Именно они были созданы в первые послереволюционные годы для борьбы с бандитизмом. Крестьянский паренек родом из-под Смоленска прошел суровую школу жизни в этих частях: и с бандюгами воевал, и собор смоленский охранял от грабителей, и среди зноя и пыли ходил на большие дела, чтобы “по курганам горбатым, по речным перекатам” прошла о нем “гордая слава”.

А потом учился — на рабфаке, в университете. Он грыз гранит науки настолько успешно, что в 35 лет стал профессором МГУ.

Грянула война. Среди десяти его боевых медалей самая памятная — “За оборону Москвы”.

Еще в годы войны был назначен директором Всесоюзного заочного юридического института, а вскоре после ее окончания — членом Комиссии международного права ООН. Работал в Нью-Йорке. С 1960 года — профессор МГИМО. В течение почти двадцати лет он являлся членом Постоянной палаты Третейского Суда в Гааге.

Ф.И. Кожевникову звание профессора было присвоено еще до войны, в 1938 году. А докторскую диссертацию он защитил в победном 1945 году. Тема ее оказалась созвучной патриотическим настроениям победителей: “Русское государство и международное право”. За большой вклад в науку международного права в 1964 году ему присвоили почетное звание “Заслуженный деятель науки РСФСР”.

С 1953 по 1961 год он занимал одну из самых почетных должностей, до которых может дорасти крупный юрист-международник нашего времени, — являлся членом Международного Суда, должность, на которую специалист избирается Генеральной Ассамблеей ООН.

Свыше 30 лет он преподавал в МГИМО, из них более 20 лет заведовал там кафедрой международного права. На пенсию ушел только в конце 80-х, когда ему уже было далеко за 80. А до этого и лекции читал, и семинары проводил. Завидное трудолюбие!

Его перу принадлежат многие труды по теории и истории международного права: монографии и учебники, статьи и мемуары. Наиболее известные среди них — монографические работы “Русское государство и международное право” (М., 1945), “Великая Отечественная война Советского Союза и некоторые вопросы международного права” (М., 1954).

Популярны среди ученых его книги “Международный Суд” (М., 1971, в соавторстве) и “Комиссия международного права” (М., 1977, в соавторстве) и другие работы. Многие его труды переводились на европейские и восточные языки, издавались за рубежом, а мемуары публиковались в журналах “Вопросы истории” (М., 1971) и “Алтай” (Барнаул, 1985).

В составе делегации СССР Федор Иванович участвовал в сессиях Генеральной Ассамблеи ООН, во многих международных конференциях, побывал, помимо Нью-Йорка, в Лондоне и Стамбуле, Париже и Аккре, Варшаве

и Вене. Диапазон его общественной деятельности тоже весьма широк: президент правовой секции Всесоюзного общества культурных связей с зарубежными странами, член ревизионной комиссии Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами, главный редактор и член редколлегии журнала "Советское государство и право".

Его грудь, помимо боевых, украшали и трудовые награды: орден Трудового Красного Знамени, орден Дружбы народов (единственный из всех советских орденов, который сохранился и в новой России), два ордена "Знак почета".

Редакция задавала вопросы, и Федор Иванович Кожевников, чуть поразмыслив, без всяких заминок отвечал:

— Вы ведь не только преподавали всю жизнь. Когда-то и учились. Не могли бы Вы вспомнить своих учителей? Что это были за люди?

— Отчего же не могу? Очень даже могу. Тем более что все мои учителя были корифеями науки международного права. Все они учились задолго до революции, так что несли в себе культуру старой закалки, умение дотошно, скрупулезно изучать предмет и ясно, четко и доходчиво доносить существо объяснений до ученика, до студента.

Помню, к примеру, Евгения Александровича Коровина, который пришел в науку еще в 1915 году. Однако его талант как ученого расцвел в годы советской власти. Он занимался проблемами новейшей отрасли международного права — космического права, стал председателем Комиссии Академии наук СССР по правовым вопросам межпланетного пространства, был избран членом-корреспондентом Академии.

Или Сергей Борисович Крылов. Искрометный, остроумный, стремительный. Он родился задолго до Великой Октябрьской революции, а на научную и преподавательскую работу пришел в годы гражданской войны. Однако во всем блеске его талант юриста-международника раскрылся в 40-е годы: на конференциях в Думбартон-Оксе в 1944 году, которая часто вспоминается сейчас в средствах массовой информации, поскольку там разрабатывались основополагающие документы таких важных теперь Всемирного банка и Международного валютного фонда; и в Сан-Франциско в 1945 году, где дорабатывался Устав ООН. Во всех документах тех конференций чувствовалась рука профессора Крылова. Кстати, именно его я сменил на посту члена Международного Суда в Гааге.

Помню хорошо Ивана Сергеевича Перетерского, тоже ученого и блестящего дипломата. Его прекрасные лекции я слушал в Московском юридическом институте. Он был и видным дипломатом, и крупным специалистом в области международного частного права.

Нельзя не вспомнить Всеволода Николаевича Дурденевского. Человек высочайшей внутренней культуры, он на удивление всем дипломатическим работникам считался в МИД "ходячей энциклопедией". Казалось, не было такого дипломатического документа, договора или конвенции, который бы он не знал наизусть. Он способен был прочитать студентам весь курс лекций по международному праву, ни разу не заглядывая в бумажку.

Наконец, Владимир Эммануилович Грабарь. Невероятно плодовитый труженик, написал огромное количество книг, учебников, статей. Всего их

у него около 150. Преподавал международное право в Тартусском — а это было еще в XIX веке, — Воронежском и, наконец, Московском университетах. Участвовал в Лозаннской конференции в составе советской делегации в начале 20-х годов. Специализировался в области торгового права и участвовал в разработке многих международных торговых договоров.

Это мои учителя, которых я видел не только на профессорской кафедре, не только слушал их лекции, но и учился у них многим премудростям практического применения норм международного права.

Самое интересное в моем общении с учителями состоит в том, что вскоре после выучки у них я должен был работать вместе с ними по линии МИД СССР на дипломатическом поприще или в научной среде. Те годы оставили в моей памяти неизгладимый след, поскольку я был счастлив, что судьба свела меня с людьми такой богатой эрудиции и культуры, с теми, кто и в повседневной жизни всегда был примером для подражания и обладал великолепным даром — учить других.

— Об учителях Вы рассказали довольно подробно. Давайте перейдем к ученикам. Конечно, за многие десятилетия преподавательской работы Вы подготовили очень много специалистов в области международного права. Но кто из них Вам особенно запомнился?

— Могу назвать очень много фамилий. Все эти мои ученики стали крупными учеными или профессиональными дипломатами высокой пробы. Но я не хотел бы приписывать всех заслуг в этом себе. У каждого из них был свой талант, свое умение, свое желание работать. А труд, как известно, и дает результаты. Поэтому разрешите использовать слово “отчасти”. Хотя все они — то есть те, о ком мы сейчас будем говорить, — были в какой-то степени моими учениками, я все-таки хотел бы просить Вас считать, что они отчасти мои ученики, а в основном каждый из них сделал себя сам: своим трудом, своими знаниями и умениями.

А теперь перейдем к фамилиям. Мало кто знает, например, что такой человек с мировым именем, как академик Георгий Аркадьевич Арбатов, начинал свой путь в науку, защитив диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук, а учился в МГИМО на международно-правовом факультете. Хотелось бы отметить и такого широко известного в стране ученого, как Анатолий Васильевич Торкунов, ныне ректор МГИМО. Хотя он учился на факультете международных отношений, но слушал и мои лекции по международному праву. Могу привести фамилии трех “светил” в области международного права, все трое — заведующие кафедрами международного права в Дипакадемии, МГИМО и Университете дружбы народов: Валерий Иванович Кузнецов, Юрий Михайлович Колосов, Игорь Павлович Блищенко. И они все трое — выдающиеся специалисты, дипломаты-“переговорщики”, которых часто привлекает МИД России для работы на внешнеполитической арене.

Крупными дипломатами и учеными стали доктора наук Игорь Иванович Лукашук и Степан Васильевич Молодцов, Геннадий Петрович Жуков и Вадим Константинович Собакин, Лидия Артемьевна Моджорян и Елена Алексеевна Шибаева, Анатолий Сергеевич Бахов и Владимир Николаевич Федоров.

Дипломатами, широко известными за рубежами нашей страны, стали послы Олег Николаевич Хлестов и Яков Аркадьевич Островский, Валентин Александрович Романов и Юрий Михайлович Рыбаков. Отдельно могу сказать добрые слова в адрес профессора Эмили Семеновны Кривчиковой, которая довольно часто звонит мне и является как бы связующим звеном между мною и моей родной кафедрой международного права МГИМО. Наконец, хотел бы упомянуть об отце и сыновьях Пархитко — Всеволоде Петровиче, Иване Всеволодовиче и Всеволоде Всеволодовиче. Все были моими студентами и аспирантами. Считаю, между прочим, своим учеником и третьего сына Всеволода Петровича, хотя он стал не юристом, а журналистом, но полный курс международного права в МГИМО он изучил — и неплохо. Так что, как видите, и среди учеников наблюдается преемственность поколений.

Конечно, я назвал далеко не всех, да всех и невозможно перечислить. Получится список в несколько сот человек.

— А как Вы смотрите на развитие международного права в XX веке? Ведь Вы родились в начале этого века и сейчас становитесь свидетелем окончания столетия, а человечество вступает в третье тысячелетие. Как изменилось международное право за минувший век?

— С моей точки зрения, международное право развивалось успешно. Оно всегда шло в ногу с событиями века и отражало все крупнейшие события и повороты в истории человечества. Вспомните две мировые войны и Великую Октябрьскую революцию в России. Все эти события находили соответствующее отражение в международно-правовых документах. Равно как успехи человечества в проникновении в космос и в тайны атомного ядра. К концу века в международном праве появилось множество отраслей, поскольку каждая из них базируется на вполне достаточном нормативном материале. К концу века человечеству уже требуются специалисты узкого профиля в области международного права, так называемые “отраслевники”, чего в начале века еще не было.

— Дорогой Федор Иванович, Вы — накануне такого необычного юбилея. Знайте, что ученики Ваши любят Вас, помнят и всегда почитают Ваше имя и Ваши труды.

— Спасибо большое. Передайте через “Московский журнал международного права” мою благодарность за то, что не забываете меня, и моим ученикам, и всем помнящим меня читателям журнала.

Интервью было взято в феврале 1998 г.

Федор Иванович Кожевников скончался 22 марта этого же года. Совсем недолго не дожил до юбилея.

Но не юбилеями светла жизнь, а делами. Светлых дел за ним — великое множество.